

Сахневич Сергей Владимирович

СТАГНАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР НОРМ И МАКСИМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ПЕРЕВОДУ, И ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЕГО ТЕОРИИ

Нормы и максимы, которые призваны усовершенствовать перевод, делают его недоступным для потребителя перевода, тем самым не одну сотню лет сдерживая развитие теории перевода, потому что их жёсткость и категоричность не позволяют появиться никаким новым переводческим наукам или хотя бы каким-то значимым ответвлениям перевода. Настало время предложить альтернативу нормам и максимам в качестве инструментов для усовершенствования перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-176. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Следующей особенностью директивно-авторитарного дискурса в чувашской лингвокультуре является то, что нередко директивные речевые акты команды вербализуются посредством русских глагольных лексем в форме инфинитива.

- *Молчать!* – *хаяррайн кайшкърса пӳлчӗ Огуречников.* – *Халь сивӗ сӗре хупса лартатӑн* [7, с. 92]! /
- *Молчать!* – *злбно закричал Огуречников.* – *Вот закрою в карцер!*

Очевидно, что в таких случаях имеет место перенос с русского языка не только директивности речевого акта по линии иллокутивности, а директивности в целом, включая и пропозициональное содержание, выраженное соответствующей русской лексемой. Использование в речевых актах команды русскоязычных лексем в форме инфинитива обусловлено многовековыми контактами русской и чувашской лингвокультур, в частности исполнением чувашами обязательной воинской повинности на службе в российской армии со времен их вхождения в состав государства Российского.

Список литературы

1. **Андреев И. А.** Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. 712 с.
2. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: «Руссика», 1994. Т. 6. 336 с.
3. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: ГК ЧР по печати, 1999. Т. 9-10. 616 с.
4. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: ГК ЧР по печати, 2000. Т. 15-16. 676 с.
5. **Бек А. А.** Волоколамское шоссе: роман. М.: Сов. Россия, 1984. 528 с.
6. **Бек А. А.** Новое назначение: роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 236 с.
7. **Мораньков Н. Ф.** Ёмӗр сакки сарлака: роман. Век прожить – не поле перейти / на чув. языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. Т. 3. 568 с.
8. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского язык [Электронный ресурс]. М.: Азъ, 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 07.03.2014).
9. **Скворцов М. И.** Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 511 с.

DIRECTIVE-AUTHORITARIAN DISCOURSE IN CROSS-CULTURAL SPACE

Pushkin Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Ulianov Chuvash State University
inyaz_gum@mail.ru

In the article the pragmasemantic and communicative-functional peculiarities of directive-authoritarian discourse represented by speech acts of command and order in Russian-Chuvash cross-cultural communicative space are considered. Not only the Chuvash lexical units of order and command borrowed from the Russian language by the method of transliteration but also the verbalization ways of speech acts of command and order in the Chuvash language are conditioned by cross-cultural contacts.

Key words and phrases: directive-authoritarian discourse; speech acts of command and order; performative; illocutionary force; perlocutionary effect; speech organizing function; infinitive; the Chuvash linguoculture.

УДК 81'255.4

Филологические науки

Нормы и максимы, которые призваны усовершенствовать перевод, делают его недоступным для потребителя перевода, тем самым не одну сотню лет сдерживая развитие теории перевода, потому что их жёсткость и категоричность не позволяют появиться никаким новым переводческим наукам или хотя бы каким-то значимым ответвлениям перевода. Настало время предложить альтернативу нормам и максимам в качестве инструментов для усовершенствования перевода.

Ключевые слова и фразы: дескриптивный; натуралисты; клиентоориентированная теория перевода; нормы перевода; потребитель перевода; прескриптивный; процесс перевода; стагнационный; тормозить развитие.

Сахневич Сергей Владимирович, к. филол. н.
 НИИ Языкознания РАН
 crash68@yandex.ru

СТАГНАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР НОРМ И МАКСИМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ПЕРЕВОДУ, И ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЕГО ТЕОРИИ[©]

Осмысливая векторы развития перевода, невозможно не заметить, что, в отличие от теорий других наук, теории перевода не привели к появлению никаких новых наук, никаких значимых ответвлений и, соответственно, никаких новых теорий или концепций, связанных с этими новыми науками.

В случае с некоторыми другими науками, например, с природоведением и с экономикой, ситуация была совершенно противоположной.

Когда экономическая теория, утверждающая, что человек является экономным существом, пытающимся получить максимальную выгоду за минимальные затраты, вступила в противоречие с фактами, появившимися в результате наблюдения за поведенческим процессом потребителя, преодоление этого противоречия привело к появлению и развитию науки маркетинга [8, s. 170-171].

В равной степени, наблюдения натуралистов привели к появлению таких наук как ботаника, биология, зоология и к появлению соответствующих теорий, описывающих флору и фауну. В девятнадцатом столетии теория эволюции стала классическим примером того, что может появиться в результате беспристрастных наблюдений.

В сфере же перевода акцент всё время делается на установлении ряда норм и максимум к продукту перевода, исходя из так называемых «правильных переводов», которыми являются уже переведённые тексты. И здесь абсолютно не учитывается ключевое положение вещей: у различных потребителей перевода имеется различное мнение о том, какой перевод является правильным, а какой нет. И как результат, теория перевода продолжает оставаться в руках «натуралистов от перевода» [5, s. 3].

И это на фоне того, что две книги – «Описание природы Сельбурна» Гилберта Уайта, описательный характер которой заложил основы для развития биологии [10, s. III-V], и «Принципы перевода» А. Ф. Тайтлера, нормативно-прескриптивный характер которой подорвал дальнейшее развитие теории перевода [9, s. 2] – вышли почти в одно и то же время: в 1789 году и в 1791 году соответственно.

Название первой главы работы А. Ф. Тайтлера говорит само за себя: «Описание хорошего перевода: основные правила, следующие из этого описания» [5, s. 10]. В основе этой главы лежит положение о том, что перевод можно усовершенствовать путём установления ряда максимум, норм: если будешь делать так, а не по другому, тогда перевод будет «хороший».

Прошло уже более двухсот лет, и то же самое утверждает В. Н. Комиссаровым: «Совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, называется нормой перевода. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы» [2, с. 228].

Далее, подогретые уважением к незыблемым авторитетам, положения двухсотлетней давности продолжают навязываться в нынешние времена. Мы повсеместно стакиваемся с «нормативными критериями» [1, с. 142], «соответствиями переводческой норме» и «характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы» [7]. В учебной программе курса «Теория перевода» по специальности 022900 «Перевод и переводоведение» мы читаем в теме № 5 о «нормативных аспектах перевода», «прескриптивных разделах теории перевода», «понятии нормы перевода», «основных видах нормативных требований и о норме эквивалентности перевода», «жанрово-стилистической норме перевода», «норме переводческой речи» и «роли нормативных требований в оценке качества перевода» [6]. Авторитет переводчиков-первопроходцев, таких как А. Ф. Тайтлер и слепо следующих за ними пяти или шести маститых теоретиков перевода, заставляет подавляющее большинство современных переводоведов и переводчиков идти по их «проторенной» дороге, изрекая правильные и «гладкие» максимумы, и обрекает теорию перевода на то, чтобы застыть еще на двести лет, что вкуче продолжит вызывать недовольство потребителей перевода, потому что переводчик переводит как нравится ему, но за их деньги.

Но задумаемся на миг: как можно определить нормы эквивалентности к переводу «Витязя в тигровой шкуре», если русским больше нравится Заболоцкий, а грузинам Петренко [4, с. 16-17]? Навязывание таких норм обречено привести к недовольству сторон. Представьте себе, теоретики навязывают вам перевод Петренко, мотивируя это некими абстрактными нормами, которые, по какой-то ведомой только им причине считаются правильными.

Это навязывание норм чуть не лишило работы переводчика, которым является автор этой статьи. Я осуществлял перевод для генерального директора одного из производственных предприятий. Генеральный директор недостаточно знал русский язык, но не потому, что он не хотел его учить, а потому что большую часть своей жизни он провёл в Грузии. В силу этого переводы генеральному директору были непонятны или не совсем понятны. Ему больше нравились переводы, осуществляемые менеджером компании, тоже грузином, который знал русский язык, но при этом не имел ни диссертации по переводу, ни опыта работы переводчиком. Генеральный директор всегда ставил мне в пример этого менеджера и советовал «усовершенствовать» мою квалификацию.

Я решил более внимательно изучить проблему, поговорив с менеджером, чьи переводы генеральному директору нравились. Менеджер высказал мнение о том, что тот русский язык, на который осуществляется перевод, должен быть максимально простым, возможно не совсем правильным, но именно таким, на котором разговаривает генеральный директор. Наконец, определив проблему, я переориентировал свой перевод на потребителя, генерального директора, едва не лишившись работы и на себе испытал «эффективность и работоспособность норм и максимум перевода» [3, с. 38].

Список ситуаций, в которых не учитываются нужды потребителей перевода, можно приводить бесконечно. Вот только некоторые из них.

В случае с «Единой Транспортной Компанией» недовольство качеством перевода возникло в связи с неспособностью удовлетворить нужды и потребности в области высокой английской грамматики – переводить пришлось рекламный буклет, ориентированный на потенциальных клиентов за рубежом. «Планировалось продемонстрировать имидж транснациональной компании, следовательно, требовалось показать исключительную компетенцию в области английской грамматики, иначе имя компании могло бы быть дискредитировано», – говорит Галина Теняева, менеджер этой компании, которая вела данный проект. Когда она дала перевод на проверку специалисту по английской грамматике, и тот обнаружил ошибки, это вызвало недовольство клиента – «Единой Транспортной Компанией» [Там же, с. 14].

В подразделении американской компании MTV имеет место некачественный – с точки зрения конкретного потребителя – перевод, несмотря на то, что в компании работают опытные переводчики, окончившие **переводческие** факультеты. В соответствии с описанием ситуации руководителем отдела производства, Николаем Мещеряковым, который руководит телепрограммами на MTV, клиентами, неудовлетворёнными качеством перевода, являются дикторы и звукорежиссёры [3, с. 13]. И причины вышеупомянутого неудовлетворительного качества лежат не в сфере лингвистики, а в сфере экстралингвистики:

(1) Усталость переводчика после определённого периода процесса перевода, которая возникает после перевода большого объёма однообразных программ. Например, цикл *Room Raiders* состоит из 90 получасовых эпизодов, сделанных по одной схеме с небольшими отличиями, связанными с личностями персон, снятых в программе. Когда переводчик устал, в тексте наблюдаются внеконтекстуальное использование большого количества штампов и поверхностное изучение личностей и обстоятельств, от чего возникают контекстные ошибки. Также снижается уровень критичности финальной редакции, появляются подстрочный перевод, логические ошибки и опечатки.

(2) Имеет место *tip-of-the-tongue problem*, т.е. слово крутится на языке, но не воспроизводится из-за плохо натренированного лексическо-поискового механизма и проблем с краткосрочной и долгосрочной памятью.

(3) Плохое знание той культурно-социальной области, к которой принадлежит перевод.

(4) Рассеянное внимание и в результате – неумение понять идею текста, которая помогает делать выводы на базе уже имеющейся информации [Там же, с. 13-14].

Что же можно предложить в качестве альтернативы нормам и максима́м перевода? Теоретикам перевода пора делать то, что делали натуралисты, – изучать и описывать процесс перевода, применяя дескриптивный подход, задавая вопросы, вместе с Роджером Бэллом, «... что же происходит, когда переводчик переводит и почему это происходит именно так...» [5, s. 22].

Учитывая, что перевод является умственным процессом, мы должны описывать его в пределах дисциплины психологии, а если более точно – в пределах основ психологического учения памяти восприятия и обработки информации.

Далее, учитывая тот факт, что процесс перевода в огромной степени вовлекает использование языка в различных социокультурных ситуациях, мы должны опираться на ресурсы лингвистики и социолингвистики. Другими словами, переводя текст с исходного языка на переводящий, нам следует учесть его контекст, или, выражаясь терминами аналитической философии, его «языковую игру».

Несомненно, процесс перевода осуществляется на лингвистическом уровне клоза, не важно, анализ ли это поступающих сигналов или синтез отправляемых сигналов.

Что касается моделирования, если мы продемонстрируем процесс перевода при помощи модели, мы сможем увидеть, как на карте, что конкретно переводчику нужно улучшить, когда потребитель перевода является грамотным, или ухудшить, когда потребитель перевода – неграмотен, ведь перевод должен быть клиентоориентированным.

А для того, чтобы быть проактивным, нужно осуществлять сбор данных о потребителе перевода после каждого выполненного для этого потребителя перевода, и эти данные могут быть доступны для переводчика всякий раз, когда он в них нуждается [3, с. 65-67]. На основе собранной информации должны осуществляться сегментирование и дифференцирование типов потребителей перевода для последующей адаптации перевода под конкретный сегмент.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты). СПб.: Союз, 2001. 142 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 228 с.
3. Сахневич С. В. Клиентоориентированный перевод. М.: ELAY Consulting, 2010. С. 14-67.
4. Торон П. Тотальный перевод. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995. С. 16-17.
5. Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice. London – N. Y.: Longman, 1991. S. 3-22.
6. http://abc.vvsu.ru/Books/teoria_perevjda/page0001.asp (дата обращения: 12.03.14).
7. <http://yazykoznanie.ru/content/view/30/218/> (дата обращения: 15.03.14).
8. McCarthy E. J., Perreault W. D., Jr. Basic Marketing. Boston, Homewood: Irwin, 1990. S. 170-171.
9. Tytler A. F. Essay on the Principles of Translation. London: T. Cadell and W. Davies, 1797. 2 s.
10. White G. The Natural History and Antiquities of Selborne. London: White and Son, 1789. S. III-V.

STAGNATORY NATURE OF NORMS AND MAXIMS APPLIED TO TRANSLATION AND THEIR NEGATIVE INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF ITS THEORY

Sakhnevich Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philology
Scientific Research Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
crash68@yandex.ru

Norms and maxims which should improve translation make it inaccessible for the user of translation, thereby delaying the development of the theory of translation for more than one hundred years, because their rigidity and categoricity do not allow originating some new translating sciences or at least significant branches of translation. It is time to suggest an alternative to norms and maxims as tools for translation improvement.

Key words and phrases: descriptive; naturalists; client-oriented theory of translation; translation norms; translation user; prescriptive; the process of translation; stagnatory; to hamper the development.